

Цзянь Нань мгновенно сбился с ритма.

Он ведь собирался выбрать загородный дом, провести день спокойно — но теперь, видя состояние Ли Чуаня, почему-то чувствовал: оставить всё как есть, сделать вид, будто ничего не происходит, — было бы неправильно.

— В загородном доме есть онсэн? — спросил Ли Чуань.

Цзянь Нань кивнул как попало, не особо осмысленно.

— Неплохо, — Ли Чуань взял карточку с названием загородного комплекса и, прямо при Дун Цзюньине, протянул её режиссёру:

— Берём это место.

Режиссёр улыбнулся, довольный:

— Отлично, отлично. Нань-Нань ведь тоже хотел выбрать загородный дом, верно?

Цзянь Нань почувствовал, как у него внутри всё перевернулось. Ситуация уже вышла из-под контроля, и он, не зная, что сказать, просто кивнул:

— Да...

Дун Цзюньин остолбенел.

Маленький господин явно приехал сюда не ради съёмок — от него не веяло ни каплей актёрской скованности. Где-то за спиной он пробормотал, почти себе под нос:

— В апартаментах с видом на море тоже есть онсэн.

Ли Чуань замер.

Дун Цзюньин заметил, как тот повернулся, и весь напрягся. Пришлось выдавить:

— Что такое?

На красивом лице Ли Чуаня мелькнула безупречная, чуть ироничная улыбка. Он спокойно повернулся к Цзянь Наню:

— Он прав. Можешь поменяться с режиссёром и взять апартаменты с видом на море. Вы вдвоём как раз сможете расслабиться в онсэне.

Цзянь Нань поколебался:

— А с рукой у тебя точно всё в порядке?

— Пустяки, — ровно ответил Ли Чуань.

Цзянь Нань облегчённо выдохнул.

— Потерплю, не страшно, — сказал Ли Чуань, вертя в руках карточку. — Главное, чтобы вы повеселились. Не стоит из-за меня переживать.

Дун Цзюньин онемел, не в силах сказать ни слова.

Цзянь Нань ощутил лёгкий укол вины. Вспомнил, как сам возился с рисовым тестом, — тяжело, конечно, но ведь Ли Чуань наверняка делал что-то ещё сложнее. А этот человек никогда не жаловался, не показывал боли — и если уж сейчас признался, значит, ему действительно очень больно.

Подумав об этом, Цзянь Нань набрался храбрости:

— Тогда... вечером пойдём вместе!

Ли Чуань мягко похлопал его по плечу:

— Не заставляй себя.

— Я не заставляю, правда! — поспешно замотал головой Цзянь Нань. — Совсем не заставляю!

Ли Чуань кивнул и повернулся к Дун Цзюньину. Его красивое лицо оставалось всё тем же — спокойным, сдержанным, благожелательным, — но в чёрных, слегка прищуренных глазах появилась тёплая улыбка, в которой сквозили ирония и тень насмешки. Взгляд был будто бы самодовольный, вызывающий, и без слов говорил:

Щенок, ещё рано тебе тягаться с отцом.

Дун Цзюньин остолбенел.

А в чате трансляции тем временем творилось настоящее веселье:

«Хахаха, Дун всё-таки зелёный ещё!»

«А Ли-ге — он и есть Ли-ге!»

«Боже, гениально! Я просто ору!»

«Эту передачу теперь точно не заброшу — у меня лицо болит от смеха!»

В итоге места для отдыха распределились так:

Дун Цзюньин и Сай Лянь — апартаменты с видом на море;

Дунфан Юаньхуа и Сян Го — люкс с большой кроватью;

У Цян и Цзи Хуай — стандартный двухместный номер;

а Ли Чуань с Цзянь Нанем — загородный дом.

Когда стемнело, экскурсионный электрокар развёз всех по выбранным местам.

Хозяин загородного дома встретил их радостно, с широкой улыбкой:

— Прошу, господа, поднимайтесь! У нас тут отличный вид — хоть до горизонта смотри!

Гостиница была всего в два этажа, в маленьком дворике буйно росли цветы и деревья, всё дышало свежестью и уютом. На втором этаже под ногами мягко пружинил молочно-белый ковёр. Их комната оказалась в самом центре. Стоило открыть дверь — и перед глазами раскинулся огромный старый раскидистый дуб, а над ним сияло звёздное небо — чистое,

глубокое, завораживающее.

Цзянь Нань улыбнулся:

— Как красиво... спасибо.

Ли Чуань вошёл первым, а он последовал за ним. Проворный мальчишка-служачий оживлённо пояснил:

— У нас прямо за двором — собственный онсэн! Можете сходить попариться перед сном, расслабиться — просто блаженство!

Цзянь Нань радостно кивнул:

— Обязательно!

Программа заказала для них всего одну комнату, но, к счастью, внутри оказалось две кровати. Обстановка — простая, но уютная, с лёгким налётом старины: на окнах висели маленькие мешочки-обереги с кисточками — символ изобилия и благополучия, а кровати представляли собой деревенские ками с глиняным основанием, от которых исходил тонкий, едва уловимый аромат трав.

Цзянь Нань поставил чемодан у окна, взял в руки один из мешочков, разглядывая вышитый узор, и тихо сказал:

— Как же красиво...

Ли Чуань ничуть не удивился:

— Ты ведь и сам умеешь такие безделушки.

— У меня руки не такие ловкие, — тихо ответил Цзянь Нань, проводя пальцами по мешочку с кисточками. — Это двусторонняя вышивка. На неё уходит много времени. И она, видишь, вся ручная — сейчас-то в основном машинная. Какая бы красивая ни была, но на ощупь — не то, и души в ней меньше. В ручной же вышивке каждая строчка, каждый стежок — от сердца. Многие старые мастерицы из-за этого и зрение теряли, вся жизнь у них прошла под этим светом.

Ли Чуань устроился на краю кровати:

— Помню, тётя Цю ведь была знаменитой вышивальщицей из Суханя.

Цзянь Нань кивнул, почти с нежностью:

— Она всю жизнь жила этой работой. Не жаловалась, не уставала. Для неё вышивка — как дыхание, как часть самой жизни.

Ли Чуань откинулся на спинку кровати:

— А ведь ты с детства любил этим возиться.

Взгляд Цзянь Наня потускнел, ресницы дрогнули.

— Я просто хотел... чтобы она мной гордилась.

Другие дети играли в машинки и конструкторы, а он сидел с иголкой и пяльцами, потому что мать это любила. Он думал, если будет паинькой, если станет старательным и послушным — она хоть немного, хоть иногда будет улыбаться.

Когда Цю Кайди носила его под сердцем, ей предложили стажировку за границей — редкий шанс, о котором она мечтала. Но из-за беременности она всё потеряла. С того дня этот ребёнок стал для неё не радостью, а напоминанием о том, что отняло у неё будущее.

А когда узнала, что родился мальчик, — раздражение превратилось в холодное отчуждение: наследовать искусство вышивки сын не сможет.

Однажды Цзянь Нань случайно подслушал разговор матери:

«Если бы не этот ребёнок, я бы не отказалась от той возможности.»

«Вот если бы девочка родилась — другое дело.»

«Он стал преградой на моём пути... я не могу не злиться.»

Так прошло его детство — под тенью страха, под гнетом вины и бесконечного желания заслужить хоть каплю тепла.

Ирония судьбы: пожилая вышивальщица, всю жизнь терявшая зрение от работы, сохранила глаза ясными до старости. А её сын родился со слабым зрением и врождённой светобоязнью.

Отец однажды сказал матери:

«Он слишком умён, слишком тих. Кажется, он с самого рождения отрабатывает перед тобой долг, которого не должен был.»

На что Цю Кайди лишь глухо ответила:

«Мне не нужен его долг.»

...

В комнате воцарилась тишина.

За окном цвёл османтус, и его тонкий аромат проникал сквозь приоткрытое окно — свежий, чуть сладкий, почти прозрачный.

Ли Чуань подошёл к столу, налил себе воды.

— Раз уж ты всё это делал, чтобы понравиться тёте Цю, — странно, что у неё нет ни одной твоей работы. А вот у меня, помнится, целая коробка стоит.

Цзянь Нань густо покраснел, заёрзал:

— Я... я просто стеснялся показывать ей. Вдруг бы засмеяла...

Ли Чуань приподнял бровь, уголок губ дрогнул:

— А передо мной, значит, не стеснялся?

Цзянь Нань вспыхнул, но, собравшись, упрямо сказал:

— Ну и ладно! Тогда верни всё мне обратно — отдам кому-нибудь другому!

— Кому, интересно? — Ли Чуань облокотился на стол, поднимая чашку. Его длинные пальцы — чёткие, красивые, словно нарисованные тушью — легко касались фарфора.

— Дун Цзюньину, что ли?

Цзянь Нань осёкся.

«При чём тут вообще бедный Дун?» — подумал он, чувствуя, как уши предательски горят.

Цзянь Нань хотел что-то сказать, но Ли Чуань уже повернулся, собираясь уходить.

— Куда ты? — спросил он, немного растерянно.

— Умыться. И спать, — коротко ответил Ли Чуань.

— А... — Цзянь Нань решил, что тот просто устал. — Рука всё ещё болит? Давай я с тобой схожу, сделаю массаж.

— Не нужно, — отрезал Ли Чуань.

Тон был холодный, ровный — но по тому, как он произнёс эти слова, Цзянь Нань сразу понял: настроение испортилось.

Он ведь давно научился читать между строк, особенно когда речь шла о Ли Чуане.

Ревность?..

Нет, конечно нет. Чушь какая. Столько лет вместе, и ни разу — ни намёка, ни взгляда. Даже после развода — ничего.

Значит, просто... не любит Дун Цзюньина?

Наверное, так.

И, решив, что нащупал верное направление, Цзянь Нань благоразумно промолчал.

— Понял. Тогда... иди.

Ли Чуань вышел из комнаты. Холодный ветер ворвался следом, тронул шторы. За дверью воцарилась тишина — и тишина эта вдруг показалась странно глухой.

Без этого назойливого «хвостика» за спиной — как-то пусто.

Телефон зазвенел.

Дин-лин-лин...

Он ответил.

На другом конце провода — Фэн Юань, старый друг, голос бодрый и совершенно невоспитанный от смеха:

— Ха-ха-ха! Я тут нарезку смотрю с тобой — да ты ж там светишься, как школьник! Ха-ха, брат, позор, конечно, но красивый позор!

Ли Чуань спокойно выслушал и ровно спросил:

— Закончил?

— Ещё нет! — отозвался тот.

— Тогда я повешу, — Ли Чуань уже нажимал красную кнопку сброса звонка, спускаясь по лестнице медленным шагом.

— Эй, стой-стой! Не вешай! — заговорил Фэн Юань торопливо. — Скажи честно, ты ведь жалеешь, да? Когда вы тогда женились, всё же было по-тихому, без церемоний, без гостей. А если теперь жалеешь — ну, исправляй! Зови нас всех, три письма, шесть подарков, женись как положено!

— Кто тебе сказал, что я жалею? — голос Ли Чуани оставался бесстрастным.

— Никто, — пробормотал Фэн Юань, — но тогда зачем ты так с Дуном?

Ли Чуань свернул налево, к горячему источнику. Это была лучшая купаль с отдельной душевой.

Он спокойно сказал:

— С чего ты взял, что я плохо отношусь к нему?

— А разве нет? — Фэн Юань не сдавался. — Я же видел, как ты у него из-под носа забрал пирожок!

Ли Чуань вошёл в воду, горячий пар окутал плечи.

— Думаешь, я стану тягаться с мальчишкой из-за сладкого? Цзянь Нань принес их потому что переживал, что я не поел. Почему бы не съесть?

— А-а, — протянул Фэн Юань. — То есть, выходит, сплошное недоразумение?

— Мг, — коротко подтвердил Ли Чуань.

— Ну ладно... — хмыкнул друг. — Слушай, я тут слышал, завтра на шоу будет новое голосование — зрители будут выбирать пары. Что, если я подниму нашу компанию, мобилизую всех и найму парочку ботов, чтобы проголосовали за тебя и Нань-Наня? Как тебе идея — официальное воссоединение, так сказать?

Ли Чуань, полулёжа в горячей воде, лениво открыл глаза:

— Не нужно.

Фэн Юань оживился:

— Что, уже присмотрел себе кого-то получше?

Не похоже. Он-то своего приятеля знал — тот, хоть и казался медлительным, в душе был упрямый, преданный до безрассудства. Если уж полюбил, то надолго. Как же мог так быстро переключиться?

— Мои фанаты и сами знают, за кого голосовать, — протянул Ли Чуань в своей обычной ленивой манере.

Фэн Юань прыснул со смеху:

— Сейчас эти девчонки-«шипперы» меняют любимые пары каждый день, но наш великий киноимператор, похоже, уверен в своих позициях! Ну ладно, посмотрим завтра, кто победит.

Ли Чуань без лишних слов закончил разговор.

На следующее утро.

Погода стояла восхитительная.

В Сяньгае — высокие горы, чистейшее небо, воздух звенит прозрачностью. Солнце золотит вершины, тёплый ветер играет листвой. Всё казалось особенно ясным и свежим.

Съёмочная группа собралась ранним утром.

Режиссёр, стоя перед камерой с рупором, бодро объявил:

— Доброе утро, уважаемые зрители! Новый день — новое голосование! Через официальный аккаунт в Weibo и в нашем WeChat-паблике вы можете в течение десяти минут отдать голос за свою любимую пару!

Минуты шли, и интернет уже кипел. После прошлого тура зрители знали, как всё устроено —

на этот раз все подготовились заранее, привлекли друзей, родственников, даже коллег: «голосовать всей деревней».

Помощник режиссёра подбежал, сияя:

— Режиссёр, вы сейчас удивитесь! Угадаете, кто лидирует?

— Ли Чуань и Цзянь Нань, конечно, — уверенно сказал тот.

Помощник таинственно улыбнулся и протянул телефон:

— А вот и нет. Посмотрите сами.

На экране — результаты с Weibo и официального паблика. Голоса за дуэт Дун Цзюньин × Цзянь Нань стремительно росли. Ещё пару минут назад они шли почти вровень с Ли Чуань × Цзянь Нань, а теперь обгоняли, и с каждым обновлением разрыв только увеличивался.

В сети творился форменный карнавал:

«Вперёд, наши сладкие пирожки!»

«Нашему принцу вчера так грустно было без Нань-Наня!»

«Бедный малыш Дун! Не попал в загородный дом — по пути обратно аж заплакал!»

«Ага, и сказал, что это соринка в глаз попал! Ха-ха!»

«Наш наследник, видно, не привык к такому унижению, бедняжка!»

«Я уже подняла семь тётушек и шесть двоюродных сестёр, плюс шесть фейковых аккаунтов — все голосуем за малыша Дуна!»

Примечание:

Дун Цзюньин: Не выдумывайте. Я не плакал.

Интернет: Не оправдывайся, мы всё понимаем!

<http://bllate.org/book/12642/1121269>